

*О. Ю. Осьмухина, А. Д. Карпов**

СИНТЕЗ РЕАЛЬНОЙ И АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ В «СЕРДЦЕ ПАРМЫ» А. ИВАНОВА

Статья посвящена изучению традиций альтернативно-исторической прозы в романе А. Иванова «Сердце Пармы». Используются сравнительно-исторический, культурно-исторический, а также метод целостного анализа художественного произведения. В результате установлено, что историческому повествованию А. Иванова, не менее чем фантастической прозе, свойственна «техника» сослагательного наклонения в осмыслении прошлого: в романе «Сердце Пармы» реальные исторические события (расширение границ Московского княжества за счет присоединения Перми / Пармы) органично сочетаются с элементами романа воспитания, фэнтези и альтернативной историей. Точкой отсчета альтернативной истории являются здесь события 6963 (1455) г., когда вогулы нападают на Старую Пермь, уничтожают ее столицу, убивают наместника князя Ермолая и чердынского князя Танега. Это приводит к тому, что старший сын Ермолая, Михаил, становится верховным князем всей Пермской земли (Перми Старой Вычегодской и Перми Великой Камской). В реальную историю Перми вплетается «ирреальная» ветвь истории, которая развивается после 1455 г.: две удельные территории Московского княжества под началом Михаила становятся духовно и культурно независимым от Руси Пермским княжеством, но в финале романа альтернативный мир разрушается, сталкиваясь с историей реальной.

Ключевые слова: А. Иванов, культурная память, современная русская проза, исторический роман, роман альтернативной истории.

* Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, osmukhina@inbox.ru;

Карпов Антон Дмитриевич — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, antonkarpov1996@yandex.ru

The article is devoted to the study of the traditions of alternative historical prose in A. Ivanov's novel «The Heart of Parma». Comparative-historical, cultural-historical, as well as the method of holistic analysis of a work of art are used. As a result, it was established that the historical narrative of A. Ivanov, no less than fantastic prose, is characterized by the «technique» of the subjunctive mood in understanding the past: in the novel «The Heart of Parma», real historical events (expanding the boundaries of the Moscow Principality due to the annexation of Perm / Parma) are organically combined with elements of parenting novel, fantasy and alternate history. The starting point of the alternative history here is the events of 6963 (1455), when the Voguls attack Old Perm, destroy its capital, kill the vicegerent Prince Yermolai and the Cherdyn prince Tanega. This leads to the fact that the eldest son of Yermolai, Mikhail, becomes the supreme prince of the entire Perm land (Perm of Staraya Vychegodskaya and Perm of Great Kama). A «surreal» branch of history is woven into the real history of Perm, which develops after 1455: two specific territories of the Moscow principality under the leadership of Mikhail become the Perm principality spiritually and culturally independent from Russia, but in the finale of the novel, the alternative world is destroyed, colliding with the real history.

Keywords: A. Ivanov, cultural memory, modern Russian prose, historical novel, alternative history novel.

Современная отечественная проза, как известно, изобилующая многообразными сюжетно-тематическими модификациями, проявляет пристальный интерес к истории, что со всей очевидностью свидетельствует и о потребности в исторической и литературной преемственности, и об обращении к культурной памяти, необходимой для самосознания нации. Действительно, ключевыми факторами ее развития в последние десятилетия становятся не только начавшиеся в постперестроечные годы попытки пересмотра «советского прошлого», вызванные ощущением «краха империи», но и отказ от характерной для советской историографии векторной концепции времени. Наиболее привлекательным для создателей, условно говоря, «новейшего» исторического нарратива оказывается «футурологический прогноз альтернативного будущего России и мира, перекроенной карты мира под знаком глобализации и предупреждения человечества о ее потенциальных антиутопических последствиях» [5, с. 9–10]. По справедливому замечанию Б. Виттенберга, «за последнее десятилетие выстраивание самых разнообразных схем альтернативной истории России превратилось в особый жанр отечественной литературы» [4]. В продолжение мысли исследователя добавим, что традиция альтернативной истории, восходящая к отечественной и зарубежной интеллектуальной фантастике (творчество бр. А. и Б. Стругацких, Ст. Лемма, А. Картер, П. Теру и мн. др.), в русской словесности формируется еще в 1980-х гг. (достаточно вспомнить, к примеру, «Остров Крым» В. Аксенова, «Невозвращенец» А. Кабакова, «Москва 2042» В. Войновича). Причины возникновения жанра. Жанра, по мнению Б. Виттенберга, заключаются, во-первых, в колоссальном интересе «к отечественному прошлому, естественный в условиях снятия чуть ли не вековых идеологических и цензурных запретов. И, во-вторых, не менее естественное чувство неудовлетворенности и разочарования, вызванное открывшимися массовому

читателю жестокими, иногда просто чудовищными и шокирующими реалиями российской истории минувшего столетия», когда читатель испытывает «приятную и расслабляющую иллюзию, будто эти печальные события прошлого тем или иным образом можно было предотвратить» [4].

Практика российской литературы последних трех десятилетий наглядно свидетельствует не столько об интеллектуальной «моде», задающей новый взгляд на историю («Падение Измаила» М. Шишкина, «Укус ангела» П. Крусанова, «Пространство Готлиба» и «Сорок лет Чанчжоэ» Д. Липскерова, «День опричника» В. Сорокина), но скорее о кризисе исторического сознания и исторической прозы, профанирующей познавательный характер истории и педалирующей развлекательность, делающей исторический процесс весьма привлекательным объектом рассмотрения широких читательских кругов («Транквилиум», «Посмотри в глаза чудовищ», «Штурмфогель», «Все, способные держать оружие...» А. Лазарчука, «Ваше благородие» О. Чигиринской, цикл Хольма Ван Зайчика, «Каменный мост» А. Терехова и др.). Если на протяжении XIX–XX вв. была популярна псевдоисторическая массовая словесность, идущая от А. Дюма, в которой авантюрные элементы вытесняли размышления над историческими закономерностями, а занимательность — историософские аспекты (от графа Салиаса до В. Пикуля), то 1990–2000-е гг. знаменуют принципиально новый поворот в осмыслении истории: писателей интересует не столько сам исторический процесс и механизмы движения, сколько его инварианты; не осмысление, того, «как всё было», но изображение альтернативного исторического вектора, способного в определенный момент ход истории изменить, сугубо авторская интерпретация того, «что было бы, если бы...».

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что роман альтернативной истории характеризуется рядом типологических признаков [3–5; 89; 12; 16–17; 21]. Во-первых, обязательным отличием развития исторических событий от того, что происходило в реальной истории, то есть демонстрацией «развилки» (точки бифуркации) — *момента*, после которого история изменилась. Во-вторых, обязательной сюжетной составляющей альтернативной истории становится изменение хода истории в прошлом, причем в некоторый момент прошлого происходит нечто отличное от происходившего в истории «реальной», в результате чего события начинают развиваться по другому пути. В-третьих, в альтернативной истории присутствует показ «ирреальности» — мира, в котором какое-либо историческое событие имело другой исход, т. е. рассказ о *последствиях* изменения исторического процесса. И наконец, в жанре романа альтернативной истории элемент фантастического (предложенный альтернативный вариант) позволяет создавать условия, максимально полно раскрывающие художественный замысел писателя, в массовой же литературе позволяет заинтриговать читателя. Альтернативно-исторические романы 1980–90-х гг. обращаются к тем историческим событиям, которые могли бы изменить ход истории «советской» (Гражданская война у Аксенова в романе «Остров Крым», Отечественная война у А. Лазарчука). Подобный интерес был, судя по всему, обусловлен общими перестроечными и постперестроечными настроениями и критическим отношением к «советскому проекту» в целом: так, используя политическую сатиру, гиперболизацию и пародию, в романе

«Москва 2042» В. Войнович и, А. Кабаков в «Невозвращенце рисуют идеальное гротескное, перевернутое коммунистическое общество, где разные жизненные проявления, доведенные до абсурда, зеркально отображают реалии СССР с атмосферой тотального страха

Примечательным в контексте синтеза традиции романа альтернативной истории, его сращения с историей «реальной» представляется роман А. Иванова «Сердце Пармы», особенно учитывая замечание С. И. Чуприна о том, что элементы альтернативной истории, «техника» сослагательного наклонения в осмыслении прошлого свойственна не только литературе фантастической [21, с. 43]. При этом нельзя не принимать во внимание и интервью самого А. Иванова, который подчеркивал, что роман «Сердце Пармы» вырос из краеведческих увлечений, и, опираясь на исторические факты, сам автор придумывал их художественное обрамление: «Вся история Перми полным-полна лакун, и многие из этих лакун я и заполнял вымыслом» [10, с. 11]. Писатель стремился избегать прямых аллюзий с современностью, но в его произведении освящен ряд проблем, которые актуальны и сегодня: взаимоотношения центра и провинции, равнодушие центральной власти к местному, уникальному, неповторимому колориту, межнациональные отношения, роль церкви в жизни государства и общества. А. Иванов отмечает, что первоначально он «предполагал показать всю историю Перми Великой, дотянуть роман до 1505 года, когда Иван III положил конец Пермскому княжеству, но Михаил «перетянул одеяло»... Личностно он оказался больше, интереснее своего княжества...» [10, с. 14]. При этом прозаик в романе использовал топонимические легенды, легенды из фольклора, большую роль сыграл пермский звериный стиль [1; 15; 18–20].

Оговоримся, что роман А. Иванова осмысливался отечественной литературной критикой и литературоведением, при этом основными тенденциями его изучения становятся осмысление функций пейзажных описаний [18] и языческих мотивов [1], его жанровые особенности — от элементов романа странствий, романа-легенды, романа воспитания [18] до сугубо исторического повествования [14], в котором прозаик «подчинил жанр исторического романа новым задачам: его книги создают метафору современности и осуществляют «очную ставку» эпох, которая позволяет увидеть их сходство и несходство, что делает историю «вечным возвращением» [14], и синтеза исторического романа и романа альтернативной истории [13; 15]. Примечательна позиция А. Евдокимова и А. Гарроса, полагающих, что, несмотря на множество противоречивых и неточных отзывов о книге Иванова, она является классическим романом о поглощении Перми Московским княжеством в XV в.: «В <...> тексте сходятся русский князь Перми Великой Михаил и его преданнейший враг вогульский кан Асыка, любовная страсть и ратная доблесть, суровый натурализм и прозрачная нежность, буйная волшба Пармы (это такая особая пермяцкая тайга) и яростная пассионарность раздвигающейся православной Руси, отчаянная людская воля и насмешливая воля судьбы» [7]. Главным посланием А. Иванова критики называют имперское послание: ««Сердце пармы» — про безальтернативность имперского синтеза» [7]. Объединение государства, раздробленного на княжества, создание единой русской нации — дело кровавое и жестокое,

но единственно верное. «Согласно «Сердцу пармы», обильно пролитая в землю кровь однажды начинает переговариваться, вести неслышимый, но властный радиообмен с той — родственной — кровью, что течет в твоих жилах. Голос крови — буквально; единственное оправдание ее пролитию. Этот голос и есть чувство родины. Родина утекает меж пальцев, если голос глохнет» [7].

Г. Ребель, осмысливая художественное своеобразие творчества А. Иванова в целом, отмечает, что в «Сердце Пармы» он следует почвенническим традициям, но, в отличие от классического понимания почвенничества, которое подано в творчестве Достоевского, предлагает новый вариант, где в качестве почвы выступает не *мононациональное*, а *географическое*, сопряженное с *историческим* начало [18, с. 34]. А. М. Лобин, указывая на очевидную трансформацию современной исторической прозы, выделяет в романе «Сердце Пармы» два признака исторического жанра: отдаленность эпохи и историчность. Этому соответствуют описанные события и герои произведения, а также описания бытовых и культурных реалий. При этом «в художественном мире А. Иванова христианство и язычество сопоставлены как равные силы, и этот философско-религиозный пласт идей в романе представляется более важным, чем описание этнических конфликтов» [15, с. 122]. Наряду с религиозно-национально-государственными проблемами роман содержит экзистенциальную идею Судьбы, Рока, Предопределения, проблемы выбора и поиска пути. Метаисторическая составляющая проблематики оказалась более значимой, что побудило автора использовать фантастику как средство создания художественной условности. А. Лобин делает справедливый вывод о «псевдонаучном» историзме романа Иванова: «Историю у А. Иванова направляет не политика и не экономика, а общая судьба народов, вследствие чего научный историзм романа представляется сомнительным — тот мистический и фантастический элемент, о котором единодушно упоминают все исследователи, играет в романе определяющую, отнюдь не декоративную роль» [15, с. 123]. Однако, при этом «Сердце Пармы» становится «очередным шагом в эволюции русской исторической прозы, где актуальные тенденции развития современной литературы побудили автора сознательно или невольно возродить черты поэтики, свойственной первым русским историческим романам» [15, с. 123].

Справедливой нам представляется позиция Т. М. Колядич, которая, осмысливая пути развития исторического романа на рубеже XX–XXI вв., выделяет несколько подходов в современном романе для объяснения прошлого — от собственного толкования исторических событий с опорой на несколько документальных источников мифологизации современности. «Имитация «древнего государства» встречается в утопическом формате («День опричника», «Сахарный Кремль» В. Сорокина, «Кысь» Т. Толстой), юмористической фантастике (произведения А. Белянина) и альтернативной истории (проект Хольм Ван Зайчика)» [13, с. 104]. Действительно, современные прозаики обращаются к фантастике, гротеску, пародии, а историческая составляющая является в текстовом пространстве основой, подтекстом. Собственно исторический роман возникает, когда изображенные события прошлого подвергаются осмыслению и анализу, а романист представляет собой стороннего наблюдателя. Причина же того, что прошлое превращается в материал авторских рассуждений и версий,

заключается в том, что недавно прошедшее слишком быстро стало историей и требует пояснений, а потому «возникает исторический формат, где история позволяет лишь указать место и время действия» [13, с. 105].

Современная проза стремится к расширению границ традиционных жанровых образований, в частности, следует выделить стилизацию под исторический роман, в рамки которой вписывается и «Сердце Пармы» А. Иванова. Наличие исторической ситуации, реальных персонажей, конкретных этнографических и временных деталей слагает представление писателя о конкретном времени, но для него важны не реальные события, но их воздействие на судьбы героев. В романе акцентируется внимание на столкновении двух политик покорения Перми — московской и новгородской. Фон повествования — противостояние язычества и христианства. Несмотря на то, что действие происходит в реальности, мир романа отчасти схож с фэнтези. Т. М. Колядич правомерно отмечает некоторую, хотя и оправданную, литературность повествования: писатель строит текст по определенной модели, где мифы (космогонические) и легенды являются важной составляющей. «Фонем действия становится Парма, особое пространство, которое возрождается и умирает» [13, с. 125]. В романе разные миры развиваются по собственным законам, подробно прописан этнографический элемент. К общим особенностям повествования А. Иванова, несомненно, относится «преднамеренная» авторская стилизация, которая проявляется через речевую характеристику героев (просторечные и устаревшие обороты, клише, метафоры, народная этимология).

Заметим, что прозаик в «Сердце Пармы» ставит проблему реконструкции исторического прошлого, а также проблему воссоздания образа эпохи и ее особенностей, причем видение прошлого складывается у писателя из отражения реального события и связанной с ним исторической рефлексией. Вслед за Т. М. Колядич, мы можем говорить о том, что цельный образ прошлого создается прозаиком на основе знаний о соответствующей эпохе, воспринимаемой с точки зрения дня сегодняшнего. Поэтому рефлексия и выражается в форме исторического сознания. Модель классического исторического романа трансформируется и используется для имитации исторической достоверности. Для современных прозаиков, реконструирующих исторический нарратив, важно восприятие прошлого из настоящего. Основой сюжетостроения становятся личные свидетельства, следовательно, как подчеркивает Т. М. Колядич, здесь правомерно говорить об исторической прозе, но не об историческом романе.

В основу сюжета романа А. Иванова «Сердце Пармы» легли события второй половины XV в., период правления Великого князя Ивана III. Внутренняя политика государя была направлена на объединение русских земель вокруг Москвы, и московскую идеологию ясно выражает сам великий князь Иван: «Господь наш избрал нашу землю и наш народ <...> Во всем мире мы теперь главная твердыня праведной веры. И потому Русь должна быть великой державой <...> Я хочу всю Русь перетрясти <...> чтобы по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было чердынцев, тверяков, московитов, не было чудинцов, литвинов, русинов, а все были русские! <...> Руси для величия единство нужно! <...> мне потомки наши поклонятся» [9, с. 134]. Планам Ивана нельзя отказать ни в величии, ни в исторической прогрессивности (схожие,

как известно, вынашивал отец Михаила — князь Ермолай), однако, несмотря на упоминание о Божьей воле, они преследуют конкретно-исторические, но отнюдь не религиозные цели. Совершенно иные проблемы волнуют хакана Асыку, который внешнюю угрозу со стороны Новгорода и Казани оценивает пренебрежительно — «можно мириться с набегами врагов <...>. Мечи мы сможем отбить», — зато очень озабочен проблемой сохранения единства человека с землей, богами и судьбой, которое он видит главным условием выживания: «Русы не принесут нам другого бога <...> они просто уничтожат всех богов, и будет пустота! Они бренны, и все, что они сотворят, рано или поздно погибнет, и земля их погибнет тоже! Я не хочу, чтобы наша земля стала их землей и погибла вместе с ними!» [9, с. 112]. В данном случае показательно не столько столкновение политических и экономических интересов, сколько конфликт мировоззрений, образов жизни: пермякам, живущим в доисторическом мифологическом мире, ни защита Москвы (объективно необходимая), ни государственное величие, ни даже возможное экономическое процветание совершенно не нужны. Именно поэтому большинство из них оценивает экспансию московской Руси не как защиту и объединение, но как захват и поглощение. Изобразительно-выразительный эффект подобного противостояния достигается акцентуацией и противопоставлением соответствующих мотивов: если в образе Пармы ведущими стали мотивы «древнее», мистическое», «хранящее сокровище», «рубежное», причем рубежное положение она занимает не только между Русью и Востоком Сибири, но и между небом и недрами, где спит чудовищный Ящер, то Москва скорее характеризуется определениями «большая» и «хищная». Очевидно, что этой мистической, хтонической вертикали в хронотопе Москвы нет: она представлена как место обитания, заполненное домами, церквями, амбарами, заборами и пр. — это вполне традиционное городское пространство, главной характеристикой которого является размер.

В первой части романа репрезентуются главные действующие лица, прежде всего князь Ермолай Вычегодский: «С детства его звали Татаринком за маленький рост и скуластое, смуглое лицо. Он привык быть всем чужим, а потому не считал зазорным идти к своей цели любым путем. Поначалу он слепо следовал судьбе. В пятнадцать лет он стал князем в отчей подмосковной Верее, когда моровая язва выкосила его семью. После этого он и сошелся с князем Василь Василичем <...> И Ермолай выжал из этой дружбы все, что смог <...>» [9, с. 44]. Его сыновья Михаил и Василий: «Десять лет Михаил не видел брата, оставшегося в Усть-Выме щуплым мальчишкой. И вот теперь этот дюжий детина — тот самый Васька...» [9, с. 135]. Вогульский хакан Асыка, хумляльт, колдун: «Князь Асыка — хумляльт. Человек, идущий навстречу. Человек призванный, человек одержимый. Князь Асыка, убивший отца, живущий без старости, изгнавший жену-ламию, — хумляльт. Он не вершит судьбы народов и земли, ибо судьбы эти вершатся сами собой по законам, которым подчиняются даже боги. Но если судьбу народа уподобить обвалу, камнепаду, то князь будет в нем самым большим камнем, что катится впереди всех, расширяет преграды и торит путь, по которому вслед за ним несутся прочие валуны. Не зря пам увидел князя глухим, как скала. У хумляльта нет ни одной души» [9, с. 15]. Появляются Храмодел Васька Калина, Сотник Полюд и др.: «Огромного

роста, круглоголовый и вечно нечесаный, с растопыренными усами и бородой, с неистребимым добродушием в маленьких, близко посаженных глазах...» [9, с. 49]. Весьма примечательно при этом, что всей образной системой романа утверждается единство и неделимость мира, многоликость и многокрасочность которого выступают как форма и способ его существования. Уже отец Михаила Ермолай, князь Вереинский, а затем Вычегодский, понимал: для того, чтобы сыну стать князем Великопермским, он должен с детства вобрать в себя, освоить, сделать своим всё, чем жив отчий край, полюбить всех, кто его населяет. Для этого и появилась в доме вогулка Айчейль — рассказывать княжичам Мише и Ваське сказки и учить их языку; для того и маленькая дочка пермского князьца Танега росла в доме Ермолая — чтобы, женившись на ней, стал «Мишка князем по всем законам: и по русскому, и по пермскому» [9, с. 37]. А по прошествии многих лет пермский князь отдаст дочку Аннушку за Кудым-Боega в Кудымкари, не ограничившись соблюдением христианского обряда, «Михаил потребовал, чтобы Боег поклялся не только перед алтарем — кто знает крепость клятвы недавних язычников? — но и по-прадедовски, на столбоверчении и мече у проточной воды, и чтобы пил с золота, и чтобы ел сырое медвежье сердце, которое, пока вертели столб, истекая кровью, еще долго билось в тряпице в ручье» [9, с. 256].

Князь Ермолай с детьми был отправлен на княжение в Пермь; будучи наместником Василия Темного, он должен подчиняться Москве. Но Ермолай Вычегодский вот уже четвертый год составляет Уставную грамоту для собственного вольного и могучего княжества, независимого от Руси. «Если бы великий князь Московский Василь Василич II Темный знал, чем занимается его наместник, князь Ермолай Вереинский, а ныне Ермолай Вычегодский, не носить бы князю Ермолаю головы. Но Москва далеко, а мечта уже близка, потому князь Ермолай ничего не боялся» [9, с. 42]. По поручению князя Ермолая ушкуйники, среди которых был Калина, украли у хакана Асыки Золотую Бабу. «Уже без всякого трепета он [Ухват] сунул руки в дупло и выволок Золотую Бабу. <...> Сотник Полюд привез из Чердыни ясак. <...> Полюд встал, поднял бочонок, локтем выбил дно и с усилием вытащил золотого идола. <...> Тускло замерцало золото Вагирийомы. Грубо и дико улыбалась Золотая Баба — здесь, в горнице под образами неуместная и страшная, как отрубленная голова» [9, с. 49–50]. Вогул напал на Усть-Вым, чтобы вернуть святыню своего народа. Ермолай погиб в сражении, крепость сгорела. Сотник Полюд спас князя и Тичерть: «И в предзакатный час, когда из лесов должны были возвращаться артели, на Благовещенском соборе загудел набатный колокол. <...> Вогулы подошли к городку ночью, укрыли в тайге ударный отряд, а днем напали врагсплох. Когда забил набат, с другого берега Вычегды к Усть-Выму уже мчались основные силы. <...> А головной отряд вогулов рубился уже внутри городских стен, захватив ворота. <...> Дикий клич донесся из-за крепостной стены — это добрались вогулы с другого берега Вычегды. <...> По настилу проезда, свистя полозьями, покатались новые и новые нарты. На передних, широко расставив ноги, стоял человек, но голове которого вместо шлема топорщил рога оленин череп. <...> на крыльцо, шатаясь, вывалился князь Ермолай — безоружный, в разорванном кафтане, с непокрытой головой, с окровавленной щекой. Глаза

его были безумные, белые. <...> Два вогульских копыя одновременно ударили в грудь князя Ермолая... <...> на крыльце терема, над орущей толпой вогулов в одеждах из звериных шкур стоит высокий бледный человек с рогатым оленьим черепом на голове и поднимает над собой Золотую Бабу. <...> Оторвав от Танега Тичерть, Полюд перебросил девочку через плечо, подхватил подмышку княжича и поволок обоих через дым пожара к воротам. <...> И оттуда они молча глядели, как на стрелке двух рек огромным костром горит до неба русский городок». [9, с. 70–79].

Пермские каны признали Михаила своим князем, обещали платить ему ясак и оказывать воинскую помощь, был заключен союз с татарами, столицей Перми Великой стала Чердынь. У Михаила появились новые друзья и соратники — пермяк Бурмот, татарин Исур, Васька Калина. Он женился на Тичерть, и у них родился сын, Матвей. А враг его отца, хакан Асыка, стал теперь уже его смертельным врагом. В Чердынь приезжает новый епископ Иона Пустоглазый («Михаил взглянул в глаза Ионы и снова поразился — глаза были водянисто-голубые, почти прозрачные, за что еще в Усть-Выме Иону прозвала Пустоглазым» [9, с. 102]), он крестил пермяков, боролся с язычеством, уничтожал идолов, построил храм. «— Како Володимер Креститель высек Перуна, тако же и я высеку идолов! — провозгласил Иона. <...> Костер широко и жарко разгорался, и в пламени страшно кривлялись, корчили бесовские рожи черные идолы. <...> — А теперь в воду!.. — с образом и распятием в руках кричал Иона огромной толпе, заполнившей весь пойменный луг» [9, с. 110–112].

Полюд совершил подвиг: зажег сигнальный огонь на утесе, предупреждающий о нападении вогулов, и погиб. Этот поступок стал легендой, а сам воевода — былинным героем. Василий с войском пошел на Югру, во время похода отправился в тайгу на поиски Золотой Бабы, что привело его к гибели. Михаил захватил Пелым, город Асыки, взял хакана в плен и собирался везти его в Москву, но вогулы осадили Вятку, и князю пришлось отпустить пленного. «Не опуская хоругви, Михаил проехал под балкой ворот, вступая в кровавые чертоги погибающего Пельма. <...> И вдруг конная тень промелькнула между Михаилом и Асыкой. Асыка вылетел из седла, швырнув в небо копьё, и, ломая рога на шлеме-черепе, рухнул в снег. Это Исур опоясал вогульского князя арканом» [9, с. 168, 172].

В третьей части повествуется о походе московского войска под командованием Федора Пестрого Стародубского на Пермь. Епископ Иона поджег Чердынь и присоединился к Пестрому: «Иона, дрожа перекрестился. Огонь все выше и выше, как болотная трава. <...> Все правильно, прости господи. Разберут пожарище — найдут кости поджигателя. <...> А епископ Иона здесь ни при чем. Он еще за два дня до поджога на Вычегду уехал. «Без малого греха большой грех не одолеешь», — думал Иона, сползая в колодец тайника» [9, с. 218–219]. Князь Михаил разгромлен, взят в плен и привезен в Москву. Иван III помиловал князя и отпустил в Пермь. Михаил оставил мысли о княжении, смирился с властью Пестрого, поселился у крестьянина Нифонта и находил счастье и смысл в том, чтобы растить с ним хлеб: «Из Чердыни, из городища приходили пермяки и смотрели, как князь пашет поле. <...> Труд был не просто тяжек, он был мучителен, даже неподъемен, но в его изнуряющей ломоте заключался

такой простой и великий смысл, что Михаил порою переставал понимать, чем и зачем он жил раньше. Он думал, что все его мысли были о Пермской земле, и все дела тоже были посвящены ей, но теперь с ясностью простого смерда он видел, что думал-то не о земле, а о своем месте на ней, и сражался не за землю, а за себя» [9, с. 422, 423]. Сын Матвей возненавидел его за такую мягкость и безволие, решил править сам. Но со временем княжич понял, что был несправедлив к отцу, осознал, сколько потерь он пережил, и попросил его вернуться к княжению. Михаил заново отстроил Чердынь и объяснил пермякам новые порядки Великого князя. Асыка вновь напал на Пермь и осадил Чердынь. На помощь к князю Михаилу подошло московское войско, вогулов разбили. Хакан Асыка осуществил свое предназначение — убил Михаила.

Очевидно, что в рамках исторического повествования в «Сердце Пармы» прозаиком эксплуатируются элементы романа альтернативной истории. В частности, в романе содержится поворот, когда история реальная становится «ирреальной». Такой точкой отсчета альтернативной истории является глава «Набег» (6963 год), в которой вогулы уничтожают столицу Старой Перми, Усть-Вым, и убивают наместника Василия Темного, князя Ермолая, и чердынского князя Танега. В результате этого младший сын Ермолая, Василий, становится князем Перми Старой Вычегодской, а старший, Михаил, — князем Перми Великой Камской, верховным князем всей Пермской земли: «Сотник Рогожа привез с Печоры княжича Ваську, и теперь Васька стал князем Перми Старой Вычегодской. Сотник Полюд увозил княжича Мишу на Колву, и теперь Миша стал князем Перми Великой Камской» [9, с. 80]. Здесь следует отметить заслугу сотника Полюда, который спас и вынес из горящей крепости будущего князя Михаила. Согласно же историческим источникам, в 1451 (6959) г. московский князь Василий Темный сделал своим наместников в Перми Вычегодской князя Ермолая и его сына Василия, а Михаила — вассальным правителем Перми Великой: «Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной» [7]. В Вычегодско-Вымской летописи сообщается о том, что в 1455 (6963) г. вогулы совершили набег на Пермь Великую, в результате которого погиб епископ Питирим («Лета 6963 приездил владыко Питерим в Великую Пермь на Чердыню крестити ко святей вере чердынцев. Того лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Великую Пермь воевали, Питерима идуще с Перми поймали и убили в месте зовемый Кафедраил на реке Помосе» [7]), но это нападение не повлекло за собой серьезных исторических изменений, которые, напротив, описываются в романе.

Исторически установлено, что в XV в. Русь была раздроблена на княжества, среди которых находилось и Московское. При правлении Ивана III одновременно протекали такие процессы, как: «собираение земли и сосредоточение власти, постепенное территориальное расширение вотчины московских князей за счет других княжеств и постепенное материальное усиление великого князя московского на счет удельных» [11]. Территории делились на два типа: воль-

ные города (Новгород, Вятка, Псков) и княжества. «Последние принадлежали двум княжеским линиям — старого Святослава черниговского и Всеволода III суздальского — и образовали 4 группы удельных княжеств с особым великим князем во главе каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское» [11]. Московские князья делили власть с ближайшими родичами, удельными московскими князьями: «У Ивана III было 4 удельных брата и двоюродный удельный дядя Михаил верейский <...>» [11].

После 1455 г. романские события расходятся с реальной историей. Под началом князя Михаила объединились две удельные территории Московского княжества, которые с развитием сюжета переоплощаются в цельное, духовно и культурно независимое от Руси Пермское княжество. Персонаж Михаила в «Сердце Пармы» обретает большую значимость, нежели его прототип, он строит мир, где на равных правах сосуществовали бы две религии: язычество и православие, два народа: пермяки и москвиты. Реальная историческая личность становится непосредственно главным героем романного повествования. В первых двух частях герой выражает не только точку зрения «частного человека» на историю, он не просто посторонний наблюдатель — он сам история. Но в третьей части, претерпев поражение от Москвы, князь Михаил оказывается «выброшенным историей» с ее передовых позиций.

Князя, в отличие от его соплеменников, с детства притягивала таинственная пермская земля: «За стенами острогов русские прятались от чего-то другого, незримого — от чего стены, наверное, и не могли защитить. А Миша этого «чего-то» не боялся и потому оставался один, вне ощетинившейся копьями толпы» [9, с. 67]. Михаил не чувствовал враждебности и опасности язычества: «При виде Золотой Бабы побледнел отважный Полюд, ощерился отец, злобно закрестился всегда умильный игумен Иона. А он, Миша, не почуял никакой угрозы — только испуг от их общей неосторожности. Он увидел, что в идоле нет зла, а есть очень большая и чужая сил, другими безоговорочно сочтенная злом. <...> А потому никогда и никому нельзя позволять решать за себя, что есть добро, и что есть зло, и что надобно делать» [9, с. 69].

Михаил начинал свое княжение от имени Великого князя, по воле Москвы. В свои четырнадцать лет он заслужил славу мудрого, справедливого правителя: «Весной князья съехались в Чердынь. «Ты по душе нам, русский князь, — сказали пермяки. — Твой разум далеко превосходит твои года. Нам не хотелось бы терять тебя оттого, что русский кан заменит тебя другим князем, который сможет посылать ему большой ясак» [9, с. 83]. Князь защитил пермяков от власти Новгорода, обрел союзников и верных друзей в лице афкульских и ибырских татар.

Символическими становятся любовь и союз Михаила и Тичерти, зародившиеся под пермской священной Березой на празднике Возвращения птиц: «Строй девушек рассыпался. Каждая уже шла с венком в руках к жениху, к любимому, к избраннику. <...> Михаил увидел, что и к нему тоже идет девушка с венком. <...> Он увидел перед собой черные, непроницаемые, безмятежные глаза, глядевшие куда-то сквозь него, сквозь людей, сквозь весь мир, и сразу узнал Тичерть, дочь погибшего в Усть-Выме чердынского князя Танега <...> Черствая, окостеневшая душа князя вдруг разом словно выдохнула из себя

сковывающее ее зло и жадно стала набухать всем, что было вокруг нее в этот миг, — а прежде всего этой девушкой Тичерть, Тиче, его невестой, нареченной ему кровью отца на усть-вымском снегу» [9, с. 97–98]. Жена Михаила не приняла крещения, не отказалась от своих богов, а князь и не думал ее заставлять. Он принимал язычество, как неотъемлемую часть Перми: «Михаилу потом еще долго не давала покоя мысль о предстоящем крещении пермяков. Он вглядывался в себя: не потерял ли в нем христианин? Нет, вера в нем не пошатнулась. Но здесь, в дремучей Перми Великой, где городища стерегут тайгу, Христова вера была пока еще не нужная, излишняя. Люди, верящие в зверей и демонов, не примут богочеловека. Богов принимают лишь тех, что вырастают из своей земли. А здесь вырастают идолы, а не иконы» [9, с. 106]. Примечательна в этом контексте проходящая через всё сюжетную канву параллель Золотая Баба — Богородица, которую можно рассматривать как маркер изначальной общности всех народов и верований и как символ враждебности распавшихся частей этой общности. Так, Михаил, глядя на свою возлюбленную Тиче, кормящую младенца, видит в ней Богоматерь — «но не такую, к какой он привык: в длинной одежде, бесплотной, излучающей печаль. Нет. Она была языческой богоматерью — нагой, отважной, сильной, как волчица, которая, улыбаясь сама себе, кормит самого хищного волчонка в стае» [9, с. 112]. А вот он вглядывается в нее, уже давно чужую, пребывающую во власти лесных духов, в последний раз. Немая и далекая, она стоит с младенцем на руках в огне горящего собора, и на какое-то мгновение ему вдруг опять кажется, что это «сама бестелесная Богоматерь-Умиление». Но, не вменяемая к его мольбам, бесчувственно плавающая вместе с ребенком в огне, она являет ему свой второй, истинный лик: «Нет, не Богородица, а золотая Сорни-Най с дитем во чреве, сияя, стоит перед ним и долго, безмятежно, страшно улыбается ему, закрыв глаза. Целое облако непроглядно-блистающих алых искр поднялось и закружилось вокруг Золотой Бабы, и она начала опускаться — то ли прогорел пол, то ли земля поглощала в свои недра ламию, то ли дьяволицу низвергало в пекло» [9]. А вместе с нею сгорает дотла Иоанно-Богоявленский собор, «когда-то изваянный Калиной в образе ламии в снегах» [9, с. 167].

Если в традиционном историческом романе «профессиональный» быт героев оказывается «выключенным», то здесь наблюдается обратное. Михаил находится в статусе князя, что не позволяет ему оставить свои обязанности, история и быт героя связаны. Он князь и в дороге, и на переговорах, и среди друзей, и с любимой женщиной, и на войне. При этом князь меняется на протяжении всего повествования — меняется его внутренний мир, его «пустая» душа пробуждается, когда он впервые видит Золотую Бабу, и взаимодействует с окружающим миром, обретает смысл. После потери родной Чердыни, Михаил принимает свою судьбу: «<...> Его судьба — это судьба земли, ее духов, теней, ее воли и ее обреченности» [9, с. 321]. Из этого следует вывод о том, что в структуру «Сердце Пармы» А. Иванова как романа альтернативной истории встраиваются черты романа воспитания (становления): в пути героя есть конечная точка развития, когда его самого и его миссию можно считать завершенными. Кстати, признаки романа воспитания присутствуют и в сюжетном ответвлении, к которому относится путешествие Калины и княжича Матвея.

Как известно, в рамках жанра исторического разграничиваются сферы официально историческая и частной человеческой жизни. Ирреальная, альтернативная ветвь истории, представленная в «Сердце Пармы» А. Иванова, имеет свой хронотоп, где исторический герой показан «как цельный, полный, конкретный человек, с бытом и реальной душой» [2, с. 271]. Любое историческое событие внутри этой ветви непосредственно связано с частной жизнью главного героя, оно влияет на его мировосприятие и развитие его личности. Однако время «судьбы и богов» поглотило «бытовое» время: Михаил сам является частью истории, поэтому полностью подчинен ее ходу. Здесь возникает лейтмотив судьбы, что позволяет говорить об эпичности повествования. Общеизвестно, что М. М. Бахтин выделил три конструктивных особенности эпоса, которые вполне проецируются на «Сердце Пармы». Пермский мир — это мир эпоса, «национальное героическое прошлое, мир «начал» и «вершин» (архэ и акме) национальной истории...» [2, с. 617]. Равно как и в эпосе, предметом романа А. Иванова становится абсолютное прошлое, единственный источник которого — неприкасаемое предание. Все это определяет характер эпической дистанции. Созданная А. Ивановым альтернативная история — это особое пространство и время, где «даже боги не отделены от людей особой правдой: у них тот же язык, то же мировоззрение, та же судьба, та же сплошная овнешненность» [2, с. 638].

В «Сердце Пармы» активно вкрапляются фантастические элементы, благодаря которым, воссоздавая мир средневековой Перми Великой, писатель наметил путь обновления художественного регионализма. Кстати, сам А. Иванов признавался: «Я ощущаю себя оставившим фантастику как жанр <...>, а не стиливые приемы фантастики, настроение фантастики. Ощущение многомерности мира, ощущение, что та реальность, которая перед глазами, — еще не все, чем мир может удивить человека» [10, с. 14]. Действие романа происходит в эпоху Средневековья, герои сталкиваются с тайнами пермской земли, с мистической силой язычества, воплощенной в образе Золотой Бабы, с шаманами, защищающими свою веру, с легендами об огненном ящере Гондыре и о богатырях-защитниках. Наиболее показательной здесь является история Полюда. Он был богатырем и верным соратником князя при жизни, после героической смерти его образ становится легендой, которая на протяжении всего повествования продолжает вдохновлять и оберегать Михаила. «И тогда Калина понял, что это Ветлан несет в Чердынь тамгу Сорни-Най, а все демоны Каменных гор идут вслед за ним. <...> Калина полулежал на главке, глядя куда-то в темноту, за Колву, за тучу, за небо. И в той бурной тьме он вдруг различил крохотный красный огонек. <...> — Сполох!.. — закричал Калина, указывая на искорку рукой. — Полюд зажег сполох!.. Вогулы идут!..» [9, с. 126–131]. Этот сигнальный огонь явился символом надежды, а скала, на которой он погиб, была названа в его честь. Золотая Баба становится одним из сквозных образов романа. Это идол языческой богини Сорни-Най, губящий души русских людей, для них Золотая Баба — воплощение зла, враждебных сил, равно как и Хакан Асыка: он, с точки зрения исторического романа, персонаж демонический. Однако Асыка вполне типичен для фэнтези и эпоса, — у него есть миссия, которая предрешена ему судьбой, он не может умереть, не исполнив ее: «Я не умру, пока не доделаю своего дела. <...> — Какое же у тебя еще дело? — мрачно удивился Калина. —

Убить кана Михаила и сжечь Чердынь. <...> Мои потомки будут гордиться, что их предок убил русского кана, который вел за собой на Каменные горы Русь. Дорогу для нее топчут ваши пахотники, воины, шаманы, но ведешь их ты» [9, с. 494]. Мистикой и страшной тайной окутан поход князя Василия за Золотой Бабой, его скитания по непроходимым пермским болотам: «Князь Васька все тащился и тащился, раздвигая коленями и животом черную страшную воду. И вот тогда-то он и увидел чудовище. Оно без плеска прыгнуло в воду с дерева и поднялось во весь свой рост — в полтора раза выше человека, широкоплечее, сутулое, с длинными, до колен, могучими руками, все сплошь покрытое серым волосом, с плоской головой, вбитой в плечи, почти безносое, только с дырами ноздрей, с тонкими черными губами, с глазами загнанного зверя, печальными и равнодушными. Подгребая ладонями, чудовище пошло навстречу Ваське. <...> это был <...> хранитель Сорни-Най...» [9, с. 149–150]. Из этого путешествия молодой, полный сил человек вернулся дряхлым, умирающим стариком: «<...> к Чердыне снизу приплыла большая лодка в сопровождении двух пермяцких пыжей. В лодке находились четверо йемдынцев и князь Зырян. Они принесли в острог, в терем к Михаилу, совсем седого, умирающего старика. И Михаил узнал в нем восемнадцатилетнего Ваську» [9, с. 140].

События третьей части оказываются переломными. В мир альтернативной истории (Пермь) врывается реальная история (московское войско под командованием князя Федора Пестрого), которая показана более глобальной, а главное — неотвратимой (а потому единственно верной): «Скоро из Устюга донеслась весть. Идут через него на Пермь Великую полки московитов. Ведет их сам князь Федор Пестрый Стародубский, который не щадя живота, отважно рубил врагов и под Казанью, и на Шелони» [9, с. 214]. Это своего рода маркер изменения исторических последствий. Соответственно происходит и переосмысление исторической значимости главного героя, князя Михаила. Вот как это было отражено в Вычегодско-Вымской летописи: «Лета 6980 (1472) преставился владыко пермский Иона, а на епискупию по нем поставлен бысть владыка Филофей. Того-ж лета князь великий Иван повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие по тому перемене за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым князя великова грубили. Князь Федор горотки пермские Искор и Похчу и Чердыню и Уром взял, грубников поимал, князя Михаила Ермолича и сотеников ево Мичкина и Бурмота и Исура и Коча и Зырна к князю великому на Москву прислал. Князь великий отпустил Михаила на Пермь-ж княжити» [9, с. 324].

В четвертой части главный герой меняется: становится классическим «средним героем». Пленного князя привозят в Москву, где его сначала ошеломляет вид города, а потом и речь Ивана III. «Москва развернулась перед Михаилом сразу вся — обоз перевалил через холм. Это было бескрайнее, теряющееся у горизонта деревянное море <...>. И Москва потрясла пермского князя. Она показалась ему больше всей Перми Великой, больше звездного неба, больше всего на свете <...>. Здесь была сотня Чердыней, здесь скопилась такая необратимая сила, что дико было бы встать на ее пути <...>. Что Москве вся Пермь Великая, если в ней одной людей, церквей и мечей вдесятеро больше? И Михаилу вдруг обостренно жаль

стало свою маленькую и бедную столицу — и в то же время горл перехватывало от горькой гордости, когда он думал, что все это неоглядное, шумное и равнодушное скопище людей маленькая Чердынь прикрыла собою от грозного зла из-за Каменных гор» [9, с. 365–366]. Михаил становится посредником между «большой» историей и маленьким пермским миром. Теперь его задача — лишь защищать границы Московского княжества. «Господь наш избрал нашу землю и наш народ <...> Во всем мире мы теперь главная твердыня праведной веры. И поэтому Русь должна быть великой державой. <...> А нам для величия нужно единство. <...> Я хочу всю Русь перетрясти, со всех князей шапки посшибать, вечевым колоколам языки вырвать, все народы перемешать, чтобы по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было чердынцев, тверяков, московитов, не было чудинов, литвинов, русинов, а все были русские! Чтобы, коли Москве стали враги грозить, у чердынцев бы сердце захолонуло, а коли на Чердынь бы напали — московит сна лишился» [9, с. 376]. Однако дальнейшее развитие событий показывает, что основная миссия Михаила заключается в объединении пермяков и русских под знаменами Москвы, он должен начать их слияние в единую нацию. Удобной для этого ситуацией становится нападение вогулов на Чердынь, в которой они видят свою главную проблему. «— Нет, не бессмысленной. Если ты меня убьешь, манси уйдут сами. Но если я убью тебя, то я уведу их отсюда. Обещаю. Выходи. Этим ты спасешь свой город. Мне Чердынь не нужна. <...> — Чего бы ни случилось с тобой или со мной, вогулы не уйдут, — сказал Михаил. — Тебе Чердынь не нужна, а им нужна» [9, с. 554–555]. Общий враг и личный пример князя сплотили два народа. Михаил исполнил свой долг, устояв перед вогулами, его судьба свершилась (и процесс становления личности закончился). Поэтому роман завершается смертью главного героя.

Итак, в романе А. Иванова «Сердце Пармы» переданы реальные исторические события (расширение границ Московского княжества за счет присоединения Перми / Пармы), органично сочетающиеся с элементами альтернативной истории, фэнтези и романа воспитания. Точкой отсчета альтернативной истории становятся здесь события 6963 (1455) г., когда вогулы нападают на Старую Пермь, уничтожают ее столицу, Усть-Вым, и убивают наместника Василия Темного, князя Ермолая, и чердынского князя Танега. Это приводит к тому, что старший сын Ермолая, Михаил, становится верховным князем всей Пермской земли (Перми Старой Вычегодской и Перми Великой Камской). В реальную историю Перми вплетается, кроме того, «ирреальная» ветвь истории, которая в романе развивается после 1455 г. Она представлена тем, что две удельные территории Московского княжества под началом Михаила становятся духовно и культурно независимым от Руси Пермским княжеством. В «Сердце Пармы» ирреальная, альтернативная ветвь истории воплощена собственным хронотопом (мир древний, хтонический противопоставлен пространству Москвы). Исторический герой показан как цельная личность, в достоверном бытовом окружении, наделенный вполне реальными чувствами, внутренним миром, а любое историческое событие непосредственно связано с его частной жизнью и влияет на его мировосприятие и развитие. В третьей части романа прозаик демонстрирует последствия изменения истории: альтернативный мир разрушается, сталкиваясь с историей реальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев В. В., Абашеева М. П. Чужие сны о Мяндаше (контекст о поэтике Алексея Иванова) // Семантическая поэтика русской литературы. — Екатеринбург, 2008. — С. 219–233.
2. Бахтин М. М. Теория романа (1930–1961 гг.) // Бахтин М. М. Собрание сочинений. — Т. 3 — М.: Языки славянских культур, 2012. — 880 с.
3. Бережной С. Н. Прошлое как учебный полигон. Очерк истории «альтернативной истории» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://barros.rusf.ru/article274.html>
4. Виттенберг Б. М. Игры коррективщиков (Заметки на полях «альтернативных историй») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/vit21.html>
5. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2009. — 48 с.
6. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.yarensk.narod.ru/letopis/letopis.html>
7. Гаррос А. П., Евдокимов А. Л. Одинокий голос крови [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ivanproduction.ru/>
8. Гуларян А. Б. Жанр альтернативной истории как системный индикатор социального дискомфорта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://samlib.ru/f/forum_a_i/doclad1.shtml
9. Иванов А. В. Сердце Пармы, или Чердынь — княгиня гор: Роман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 576 с.
10. Иванов А. В. «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе...» / Беседу вела Ребель Г. // Филолог. — Пермь: ПермГУ, 2004. — Вып. 4. — С. 10–18.
11. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 25 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/25.htm>
12. Козлова С. М. Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе // Вестник ТГУ. Филология. — 2008. — № 3 (4). — С. 73–81.
13. Колядич Т. М. От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной русской литературе. — М.: Олимп, 2010. — 349 с.
14. Кукулин И. В. Героизация выживания // НЛО. — 2007. — № 86. — С. 302–330.
15. Лобин А. М. Эволюция историзма в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Вестн. Вят. гос. ун-та. — Киров, 2012. — № 1 (2). — С. 118–125.
16. Невский Б. В. Носик Клеопатры: Альтернативно-историческая фантастика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://alternativa.lib.ru/ah/subject/ai_fiction/index20223card22143.htm
17. Осьмухина О. Ю., Романов А. В. Роман альтернативной мифологии в контексте современного отечественного фэнтези (на материале «Боргильдовой битвы» Ника Перумова // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — № 2 (Том 1). — 2014. — Филология. — С. 67–75.
18. Ребель Г. М. «Пермское колдовство», или роман о парме Алексея Иванова // Филолог. — Пермь: ПГУ, 2004. — Вып. 4. — С. 26–45.
19. Хрящева Н. П. Миф о справедливом правителе в романе Ал. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь — княгиня гор» // Филологический класс. — Екатеринбург, 2013. — № 2 (32). — С. 45–49.
20. Чудинова Г. В. Интерпретация миссионерской деятельности подвижников православия в романе Алексея Иванова «Чердынь — княгиня гор» [Электронный

ресурс]. — Режим доступа: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/interpretacziya-missionerskoj-deyatelnosti-podvizhnikov-pravoslaviya-v-romane-alekseya-ivanova-cherdyinknyagina-gor.html>

21. Чупринин С. И. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. — М.: Время, 2007. — 766 с.